

ХІІІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

генции. Повесть о них можно прочесть в великой русской литературе. Есть они уже у Пушкина и Лермонтова, потом у Гоголя и Достоевского.

Именно в России художник обладал острым чувством ответственности перед всем народом, перед настоящим и будущим своей страны, смотрел на свой труд как на служение. Для русской мысли в большей мере характерна нравственная выверенность.

В девятнадцатом столетии были выявлены глубинные основы русской и российской ментальности, заставляющие и отдельного индивида, и Россию в целом мыслить и действовать тем или иным, иногда рационально необъяснимым образом.

1. Булгаков, С.Н. Интеллигенция в России (онтология русской публицистики (1909-1910)) / С.Н.Булгаков // Вехи. – М., 1991. – С. 45.
2. Бердяев, Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности / Н.А.Бердяев. – М., 1990. – С.61.
3. Гулыга, А. Шеллинг / А.Гулыга. – М., 1984. – С. 302
4. Франк, С.Л. Этика нигилизма / С.Л.Франк. – М., 1993. – С. 256
5. Канунова, Р.В. Нравственные искания русского романтизма (30-40гг.) и религия / Р.В.Канунова // Русская философия и религия. – М., 2000. – С. 69.
6. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К.Ясперс. – М., 1991. – С. 22.
7. Бердяев, Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности / Н.А.Бердяев. – М., 1990. – С.17.
8. Бердяев, Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии / Н.А.Бердяев. – М., 1991. – С. 180.

ПОКОЛЕНИЯ ИСТОРИКОВ В «СЕТИ ОБЩЕНИЯ»

С.Ф. ПЛАТОНОВА

Синенко Анна Александровна

Омский государственный педагогический университет

Каждое поколение историков создает индивидуальную «сеть общения», которую наполняет особыми коммуникативными связями. Как отмечает В.П. Корзун: «Логика науки движет мыслью ученых не иначе как посредством сетей общения, открытых или скрытых диалогов как на теоретическом уровне, так и на эмпирическом, житейском»¹. В психологии выделяют два основных механизма коммуникации: идентификация и обособление. Психологи отмечают, что: «идентификация-обособление – это двуединый механизм развития личности и ее бытия среди других людей»².

Механизм идентификации-обособления является универсальным, поэтому его можно использовать при изучении коммуникативных связей в научной среде второй половины XIX – начала XX вв. на примере «сети общения» С.Ф. Платонова.

С.Ф. Платонов являлся ярким представителем Петербургской исторической школы второй половины XIX – начала XX века, которая имеет ряд признаков, отличающих ее от других исторических сообществ. Во-первых, это отсутствие общепризнанного лидера исторической школы. Во-вторых, стремление к синтезу российской и западноевропейской исторической мысли, а также интерес к достижениям западноевропейской философии и психологии. Кроме того, можно отметить особое отношение Петербургской исторической школы к историческому источнику.

С.Ф. Платонов идентифицировал себя с Петербургским университетом, о чем свидетельствует письмо Я.Л. Барскову от 19 марта 1885 года: «общего настроения у нас (курсив – А.С.) в Университете не «полагается»: мы театра не замечаем, речи говорим только на академических торжествах... О Ваших москвичах ученого и учебного курса не говорят у нас вовсе»³. Атмосфера Петербургского университета второй половины XIX века является для С.Ф. Платонова «своей», так как в 1926 году С.Ф. Платонов писал, что «преобразованный в последние годы университет, уже не есть тот университет, которому принадлежит вся моя преподавательская и ученая деятельность, (курсив – А.С.) в нем по известной пословице – «новые птицы – новые песни»⁴. Хотя отношения между членами петербургского сообщества второй половины XIX века неоднозначны, а атмосфера Петербургского университета наполнена внутренними противоречиями. Существование разнообразных социальных ролей приводит к построению различных коммуникативных сетей, как в профессиональной сфере сообщества, так и в личной.

В сети общения С.Ф. Платонова выделяется три вида коммуникаций. Во-первых, это коммуникации между С.Ф. Платоновым и историками старшего поколения К.Н. Бестужевым-Рюминым, В.Г. Васильевским, А.Д. Градовским, В.И. Сергеевичем и др.

В воспоминаниях С.Ф. Платонов отмечал, что наибольшее влияние на него оказал К.Н. Бестужев-Рюмин. При этом необходимо выделять некоторые особенности профессиональных и личных взаимоотношений К.Н. Бестужева-Рюмина и С.Ф. Платонова. Платонов высоко ценил лекции историка: «Он не был оратором: он не «читал», он просто беседовал, не заботясь о форме своей речи...»⁵. В процессе личного общения С.Ф. Платонова и К.Н. Бестужева-Рюмина возникали конфликты, но они оставались внутренними, не являясь темой для обсуждения широкого круга лиц (как, например, взаимоотношения В.О. Ключевского и П.Н. Милюкова). Кроме того, взаимоотношения С.Ф. Платонова и К.Н. Бестужева-Рюмина не отра-

ХІІІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

жались на научной сфере деятельности. Именно личное общение С.Ф. Платонова и К.Н. Бестужева-Рюмина способствовало формированию неоднозначного отношения С.Ф. Платонова к К.Н. Бестужеву.

Отношения между старшим поколением историков Московской школы и С.Ф. Платоновым складывались иначе. В.О. Ключевский для С.Ф. Платонова во второй половине XIX века являлся «крупным деятелем русской истории»⁶, поэтому С.Ф. Платонову, как более молодому историку, безусловно, важно знать мнение В.О. Ключевского о своей работе, но обращение к историку лично не представлялась для С.Ф. Платонова возможным. В письме к П.Н. Милюкову С.Ф. Платонов писал: «Знать мнение Ключевского о теме для диссертации, конечно, важно. Посоветуйте мне, можно ли писать ему об этом и у него просить совета?»⁷. В целом отношения с московскими историками у С.Ф. Платонова складывались большей частью опосредованно, через лекции и книги последних.

Вторым видом коммуникации являются взаимоотношения С.Ф. Платонова со своим поколением историков (П.Н. Милюков, А.С. Лаппо-Данилевский, Е.Ф. Шмурло и т.д.) и общественных деятелей (А.С. Суворин, С.Н. Шубинский). Важно отметить, что в диалоге учитель-ученик преобладают научные коммуникации, а в отношениях со «свои поколением» возникает синтез личных и научных связей. В коммуникативных связях С.Ф. Платонова со своим поколением можно выделить две линии взаимоотношений. В первую очередь, это профессиональные отношения. Примером профессиональной коммуникации может служить переписка С.Ф. Платонова с П.Н. Милюковым по вопросам издания в «Журнале министерства народного просвещения» диссертации последнего.

Вторым видом взаимоотношений С.Ф. Платонова со своим поколением являются личные, дружеские отношения историка, которые у него сложились с И.А. Шляпкиным, В.Г. Дружининым и М.А. Дьяконовым.

Третьим видом коммуникаций С.Ф. Платонова являются отношения историка со своими учениками (С.В. Рождественским, А.Е. Пресняковым, П.Г. Васенко и т.д.). В этих взаимоотношениях уже сам С.Ф. Платонов выступает в роли учителя и является носителем исторических идей, под влиянием которых формировалось мировоззрение молодого поколения историков.

Таким образом, «ядром» сети профессионального общения С.Ф. Платонова являлись научные коммуникации с представителями Петербургской и Московской исторической школ, способствовавшие формированию идентичности историка, и которые на определенном этапе могли совпадать с «ядром» сети личного общения.

1. Очерки истории отечественной исторической науки XX века. / Под ред. В.П. Корзун. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. – С.155.

Секция «Русская культура»

2. Горянина, В.А. Психология общения / В.А. Горянина. - М.: Академия, 2002. - С. 51.
3. Платонов С.Ф. – Барскову Я.Л. // Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками. В 2-х т. Т. 1. М.: Наука, 2003. – С.17.
4. Цит. по: Брачев, В.С. Сергей Федорович Платонов / В.С. Брачев // Отечественная история. –М., 1993. – № 3. – С. 120
5. Платонов, С.Ф., Автобиографическая записка // Академическое дело 1929-1931 гг. Вып.1. СПб.: БАН, 1993. – С. 257
6. Платонов С.Ф. – Бестужеву-Рюмину К.Н. // Малинов, А.В. К.Н. Бестужев-Рюмин. Очерк теоретико-исторических и философских взглядов / А.В. Малинов. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2005. – С.209.
7. Платонов С.Ф. – Милюкову П.Н. // Письма русских историков(С.Ф. Платонов, П.Н. Милюков) / Под ред. В.П. Корзун. Омск.: Полиграфист, 2003. – С. 214.

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕНТАЛИТЕТА СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (СЕРЕДИНА 1940-Х –НАЧАЛО 1950-Х ГГ.)

Чиркова Наталья Владимировна

Самарская государственная академия культуры и искусств

Характеристики исторической ситуации задают развитию личности определенное направление, формируя её социально-психологические свойства. В процессе активного взаимодействия личности с обществом происходит присвоение общественного опыта, ценностей, норм, стереотипов поведения, социальных установок, закладывающих основы исторического своеобразия личности. Историческое своеобразие личности советского человека определяется тем, что ее развитие приходится на эпоху сталинизма, политико-идеологические характеристики которой задавали определенный комплекс личностных свойств. Кроме того, это время второго этапа советской волны модернизации, в основе которого лежала «сталинская модель» индустриализации.

Более высокий уровень развития капиталистических стран обуславливал догоняющую модель экономического развития СССР. Данный внешнеэкономический фактор играл доминирующую роль в формировании мобилизационного типа экономики Советского Союза¹. В этой ситуации все усилия были направлены на создание мощного военно-производственного комплекса, иначе говоря, в действие запускалась имперская модель модернизации². Проведение форсированной индустриализации сопровождалось